

Живет в Москве (Россия).

История X

Завтра война доберётся до нас, мой хороший. Завтра, мой мальчик, объявят о том, что грядёт. Так что прости, но отныне я буду чуть строже, чуть беспокойнее, чуть истеричнее, может, это поможет, избавит, спасёт от невзгод. Выключи радио, звук

начинает вгрызаться в мягкость диванную, в старый настенный палас, в фотообои, в настенную карту Эльзаса — так, что уже через час начинает казаться, будто немецкие танки въезжают в Эльзас.

Всё, как обычно, — по радио утром сказали — люди стреляют друг в друга без всяких причин. Вот тебе франк на кино. В затемнившемся зале просто смотри, как Астер подпространство взрезает. Просто смотри, как танцует Астер, и молчи.

Будет война номер два, номер три, номер десять. Будут война за войной пожирать этот век. Тысяча жертв каждый час, каждый день, каждый месяц; даже на Бога такую вину не повесить, пусть она — просто случайный побочный эффект. Будет война в азиатских промасленных джунглях, будет война в раскалённых песчаных морях, медь заржавеет, листы броневые пожухнут, время закончится чем-то бессмысленно жутким, холодом вечной зимы, тишиной декабря.

Солнце скрывается. Вечер склоняется к ночи. Радио давится шумом серийных помех. Вот тебе франк — заскочи за багетом, а впрочем, просто смотри, как Астер залихватски хохочет. Просто смотри и с собой захвати этот смех.

Льются из медных тромбонов свинцовые струи,
выглядит мутным экран из-под влажных очков.
Джинджер танцует, ритмично паркет полируя,
Джинджер взлетает под ритм пулемётных щелчков.
Душит зенитная музыка гамбургских башен,
рёв самолётный дерёт на волокна струну.
Фред безупречен, безумен, бесстрастен, бесстрашен,
каждым наигранным па отрицая войну.

Цокот чечётки. Усталость во взгляде тирана.
Круг на крыле. Опалённый пожаром рассвет.
Нет ничего за пределами киноэкрана.
Есть только Фред. Не забудь — только Джинджер и Фред.
Нет ничего.
Смерти нет.
Смерти нет.
Смерти нет.

Тьма

Иногда мы себя ощущаем так, будто это уже не мы.
Вот, к примеру, мне тридцать, а я никто, пустота за спиной горчит,
Мироздание просто даёт мне знак: «ты всего лишь источник тьмы,
Ты её генератор, её поток, её меч и её же щит».
Начинается просто: вступает альт, и я чувствую лёгкий крен,
И достаточно рыб, и полно хлебов, но пробоина в корабле —
И скелеты спускаются в Бухенвальд, и сгорают в моём нутре,

И коронное золото их зубов вытекает из всех щелей.

За бутылкой бутылка, за часом час, заливаться, сходить с ума,
Заглушая безвременье нервным сном, слепо плясь на телефон,
Но ведь сколько не лей, всё уходит в нас, потому что такая тьма, —
Безупречная тьма безо всяких «но», абсолютное комильфо.
Продолжается просто: ревёт набат, разрушается ветхий мост,
И кончается виски, и нет чудес, всё затоптано — посмотри
Не в далёкого космоса тёмный ад, не в разбросы безвестных звёзд,
А на чёрные дыры, сейчас и здесь, у меня, у меня внутри.

Говори, не молчи, мой прекрасный бес, несгораемый мой маяк,
Про сиреневых пони, про мир огней, про весёлую кутерьму,
Как индейцы, изящно сделав надрез, выжимают из раны яд,
Так и ты говори о любой фигне, вытесняя наружу тьму.
Неуклюже обняв, я спускаюсь вниз, исцелённый на два часа.
И бурлит обновлённая светом кровь, и дрожит пустота в груди,
Снова требуя дозы твоих ресниц, и колеблются полюса,
И мертвец выползает наружу вновь, и бормочет: иди, иди.

Супергерой

Ни шатко, ни валко. Всё тянется, как концлагерь,
Железная койка, скрипучая благодать.
Не якорь я бросил, спустив понарошку флаги,
А врос по колено — не выкопать, не продать.
Во сне ко мне ходят красавицы цвета меди,
Но я не хочу их — и знаешь, какой ценой?
Я просто хочу быть медведем. Стальным медведем
С глазами из бусин и крыльями за спиной.

Иду себе по лесу. Пялюсь на глупых зайцев.
Беру их в охапку, в берлогу несу, пою.
Стелю им постель, декламируя поабзацно
Какую-то сказку. Естественно, не свою.
Я был безнадёжен, расколот, разбит, распорот —
А зайцы спасают, сшивая по лоскутам.
Внутри у меня бесконечность, и лес, и город,
И мало ли что ещё может скрываться там.

И если ты, сволочь, посмеешь зайчонка тронуть,
Посмеешь засунуть сюда свой запил свиной,
То лучше последнего, сука, не трать патрона —
Храни для себя, я уже за твоей спиной.
Аз есмь омега и альфа, с конца к началу,
Аз есмь апостол, архангел, архипелаг!

Заткните хлебала, а то отомкну рычало —
И тут не помогут ни бимы, ни купола.

Простите меня. Разошёлся. Увлёкся малость.
Заснули зайчата. К финалу приплыл рассказ.
Встаю — непомерный, огромный, свирепо скалюсь,
Чуть слышно скрипит недосмазанный мой каркас.
И я возвращаюсь обратно — а как иначе? —
К железной постели, к темнеющей полосе,
Где нужно проснуться, услышав, что кто-то плачет,
А лучше, как требует совесть, — не спать совсем.

О себе

Тим Скоренко – поэт, автор-исполнитель, писатель.
Родился в Минске, окончил Белорусский национальный технический университет, ныне живёт и работает в Москве, сотрудник редакции журнала «Популярная механика».
Как автор-исполнитель, принимал участие более чем в полусотне фестивалей авторской песни и поэзии, выступает с сольными концертами.
В 2011 году вышел сборник стихотворений «Псы Господни».
Основная творческая деятельность – проза, опубликовано четыре романа и сборник новелл.

[Персональный сайт](#)

[Все публикации прозы](#)

[Все публикации поэзии](#)

